

Петер
Хандке

Страх вратаря перед одиннадцатиметровым
Короткое письмо к долгому прощанию

[повести]

НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ 2019
ПО ЛИТЕРАТУРЕ

XX век / XXI век – The Best

Петер Хандке

**Страх вратаря перед
одиннадцатиметровым. Короткое
письмо к долгому прощанию**

«Издательство АСТ»

1970, 1972

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

Хандке П.

Страх вратаря перед одиннадцатиметровым. Короткое письмо к
долгому прощанию / П. Хандке — «Издательство АСТ», 1970,
1972 — (XX век / XXI век – The Best)

ISBN 978-5-17-120777-9

Прозу Хандке объединяет одна мысль: бессмысленное, бездуховное существование противно человеческой природе. Его герои переживают острейший внутренний разлад с самими собой и с окружающим миром, не позволяют себе ощутить «блаженство жизни без судорог и страха» и чувствуют почти сартровскую тошноту – буквально и метафорически. Эти художественные особенности наиболее ярко раскрываются в самой известной повести Хандке «Страх вратаря перед одиннадцатиметровым» (1970). Бывший вратарь Йозеф Блох, бесцельно слоняясь по Вене, знакомится с кассиршей кинотеатра, остается у нее на ночь, а утром душит ее. После он бежит в маленький городок, где, затаившись, через полицейские сводки в газетах следит за происходящим, понимая, что его преследователи все ближе и ближе... Тоске по настоящим переменам и надвременности посвящено и «Короткое письмо к долгому прощанию» (1972) – хроника путешествия молодого писателя, переживающего тяжелейший духовный кризис. Из-за затяжного конфликта с женой, задавшей целью его убить, он отправляется в Америку, где переезжает из города в город, меняет отель за отелем, но на самом деле бежит от самого себя.

УДК 821.112.2-31

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-17-120777-9

© Хандке П., 1970, 1972

© Издательство АСТ, 1970, 1972

Содержание

Страх вратаря перед одиннадцатиметровым	7
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Петер Хандке
Страх вратаря перед
одиннадцатиметровым. Короткое
письмо к долгому прощанию

Peter Handke
Die angst des tormanns beim elfmeter
Kurze brief zum langen abshied

© Suhrkamp Verlag Frankfurt am Main 1970, 1972
© Перевод. В. Курелла, наследники, 2019
© Перевод. М. Рудницкий, 2019
© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

* * *

Страх вратаря перед одиннадцатиметровым

Вратарь смотрел, как мяч пересек линию...

Монтеру Йозефу Блоху, в прошлом известному вратарю, когда он в обед явился на работу, объявили, что он уволен. Во всяком случае, Блох именно так истолковал тот факт, что при его появлении в дверях строительного барака, где как раз сидели рабочие, только десятник и посмотрел в его сторону, оторвавшись от еды. Блох сразу ушел со стройплощадки. На улице он поднял руку, но проехавшая мимо машина – хотя Блох, поднимая руку, вовсе не собирался останавливать такси – не была такси. Наконец он услышал перед собой скрежет тормозов; Блох обернулся: рядом стояло такси, водитель-таксист ругался; Блох опять повернулся, сел в машину и велел везти себя на фруктовый рынок.

Был прекрасный октябрьский день. Блох съел у ларька горячую сардельку, а затем направился сквозь ряды ларьков к кинотеатру. Все, что он видел, его раздражало; он постарался как можно меньше обращать внимания на окружающее. В зрительном зале он вздохнул с облегчением.

Задним числом Блох удивился, что кассирша на жест, с которым он, ни слова не говоря, положил деньги на вращающееся блюдо, как бы вполне естественно, тоже ответила жестом. Рядом с экраном он увидел электрические часы со светящимся циферблатом. Посреди сеанса вдруг услышал, как бил колокол, и долго не мог решить, бил ли колокол в фильме или на церковной колокольне возле фруктового рынка.

Очутившись снова на улице, он купил себе винограда, очень дешевого в это время года. И пошел дальше, ел на ходу виноград и сплевывал кожуру. В первой гостинице, где он спросил комнату, ему отказали, потому что у него с собой не было ничего, кроме портфеля; портье второй гостиницы в ближайшем переулке сам провел его наверх в номер. Не успел портье выйти, как Блох лег на кровать и вскоре уснул.

Вечером он вышел из гостиницы и напился. Позднее, протрезвев, попытался звонить знакомым; но поскольку знакомые эти часто выезжали за город и автомат не возвращал монеты, у Блоха скоро кончилась мелочь. Полицейский, с которым Блох поздоровался в надежде его остановить, не ответил на его приветствие. Блох спрашивал себя, не истолковал ли полицейский как-нибудь превратно слова, которые он крикнул ему с противоположной стороны улицы, и вспомнил о той естественности, с какой кассирша в кинотеатре повернула к нему блюдо с билетом. Он настолько удивился быстроте ее движения, что чуть не позабыл забрать билет с блюда. Он решил повидать кассиршу.

Когда он подходил к кинотеатру, как раз погасли рекламные стенды. Блох увидел человека, который, стоя на лестнице, менял название сегодняшней картины на завтрашнюю. Он подождал, прочел название нового фильма и только тогда вернулся в гостиницу.

Следующий день был субботний. Блох решил еще на сутки остаться в гостинице. Если не считать американской четы, он был единственным посетителем в буфете; некоторое время он прислушивался к их разговору, который Блох, не раз в прошлом ездивший со своей командой на матчи в Нью-Йорк, более или менее понимал, потом выскочил на улицу купить газеты. Газеты субботнего выпуска были в тот день особенно увесистыми, он не стал их складывать, а унес, зажав под мышкой, в гостиницу. Снова сел за свой столик в буфете – остатки завтрака тем временем успели прибрать – и вытащил все рекламные приложения; настроение от этого испортилось. На улице он заметил двоих прохожих с пухлыми газетами. Пока они не прошли, он сидел не дыша. Лишь теперь он сообразил, что это была та самая американская чета; он видел их только в буфете, за столиком, и на улице не сразу узнал.

Потом в кафе он долго пил простую воду, подававшуюся там к кофе. Иногда он вставал и брал иллюстрированный журнал из стопок, лежавших на особо для того предназначенных стульях и столах; официантка, унося наваленные около него журналы, бросила: «Для этого есть журнальный столик». Блох, который, с одной стороны, заставлял себя перелистывать страницы, а с другой – не откладывал ни одного журнала, не перелистав его до конца, пытался время от времени выглядывать на улицу; контраст между иллюстрациями в журнале и сменой уличных картин приносил ему облегчение. Перед уходом он сам положил журналы обратно на столик.

Ларьки на фруктовом рынке были уже закрыты. Блох некоторое время машинально гонял перед собой попадавшие ему под ноги гнилые овощи и фрукты. Где-то между ларьками он справил нужду. Причем заметил, что стены деревянных строений совсем почернели от мочи.

Выплюнутая им вчера виноградная кожура все еще валялась на тротуаре. Когда Блох положил деньги на блюдце кассирши, бумажка, вращаясь, зацепилась; у Блоха появился повод что-то сказать. Кассирша ответила. Он еще что-то сказал. Так как это было необычно, кассирша на него взглянула. Это опять-таки послужило для него поводом для дальнейшего разговора. В зрительном зале Блоху припомнились роман в бумажной обложке и электроплитка возле кассирши; он откинулся назад и стал наконец различать лица и предметы на экране.

Ближе к вечеру он поехал трамваем за город на стадион. Взял стоячее место, но потом уселся на газеты, которые все еще не выбросил; зрители впереди заслоняли ему поле, но это его не беспокоило. Во время игры большинство садилось. Его, Блоха, не узнали. Он оставил газеты, прижал их сверху пивной бутылкой и, чтобы не угодить в толчею, еще до финального свистка покинул стадион. Его удивило множество ожидающих перед стадионом почти пустых автобусов и трамваев – матч был гвоздем сезона. Он сел в трамвай. И так долго сидел там почти в полном одиночестве, что начал ждать. Может, судья назначил дополнительное время? Когда Блох поднял глаза, то увидел, что солнце садится. Он опустил голову, не собираясь ничего этим выразить.

На улице вдруг поднялся ветер. Почти одновременно с финальным свистком, вернее, с тремя продолжительными отдельными свистками, водители и вагоновожатые поднялись в автобусы и трамваи и публика ринулась со стадиона. Блох вообразил, что слышит звон полетевших на поле пивных бутылок, одновременно он слышал, как в стекла бьет пыль. В зале кинотеатра он откинулся, а здесь, когда зрители ворвались в вагон, наклонился вперед. По счастью, у него оказалась с собой программка к фильму. У него было такое ощущение, будто на него направили свет всех прожекторов стадиона. Какое идиотство, сказал Блох. Он был из тех вратарей, кому такой свет – помеха.

В центре города он долго искал телефонную будку, а когда нашел незанятую, там, на полу, валялась оборванная трубка. Он пошел дальше. В конце концов можно позвонить и с Западного вокзала. Но была суббота, и никого из знакомых он не застал. Когда же наконец женщина, которую он знал в прежние времена, ответила, Блоху пришлось довольно долго объяснять, пока она поняла, кто звонит. Они условились встретиться в погребке возле Западного вокзала, где, как Блоху было известно, имелся музыкальный автомат. Дождаясь, он убивал время, бросая монеты в автомат, потом просил посетителей нажимать на кнопки, а сам тем временем разглядывал на стенах фотографии и автографы футболистов. Несколько лет назад заведение арендовал нападающий из национальной сборной, затем он отправился за океан в качестве тренера одной из диких команд американской футбольной лиги, а после роспуска лиги так там и застрял. Блох разговорился с девушкой, которая, сидя за столиком рядом с автоматом, нажимала не глядя на кнопку и всякий раз попадала на одну и ту же пластинку. Они вместе вышли из погребка. Он попытался пристроиться с ней в каком-нибудь подъезде, но все двери были уже на запоре. А когда одна дверь поддалась, оказалось, судя по пению, что за второй дверью идет какое-то молебствие. Они вошли в лифт, помещавшийся между первой и второй дверьми; Блох нажал на кнопку самого верхнего этажа. Но еще прежде чем лифт туда

добрался, девушка захотела выйти. Тогда Блох нажал на кнопку первого этажа; они там вышли и остались стоять на лестничной площадке; тут девушка стала нежнее. Они вместе поднялись по лестнице. Лифт стоял на мансардном этаже; они вошли в него, спустились вниз и вышли на улицу.

Некоторое время Блох шел рядом с девушкой, потом повернул обратно и возвратился в погребок. Его знакомая, не сняв пальто, уже дожидалась. Блох объяснил приятельнице девушки, все еще сидевшей за столиком возле автомата, что ее подруга не вернется, и вместе с женщиной вышел из погребка.

Блох сказал:

– Я сам себе кажусь смешным, так вот, без пальто, когда на тебе пальто.

Женщина взяла его под руку. Чтобы высвободиться, Блох сделал вид, будто хочет ей на что-то указать. Однако не знал, на что же ей указать. Внезапно ему захотелось купить вечернюю газету. Они прошли несколько улиц, не встретив ни одного продавца газет. В конце концов поехали на автобусе к Южному вокзалу, но вокзал был уже закрыт. Блох сделал вид, будто испугался; но он и в самом деле испугался. Женщине, которая еще в автобусе, открыв сумочку и перебирая какие-то мелочи, намекнула, что нездорова, он сказал:

– Я совсем забыл оставить записку, – сам не зная, что, собственно, имеет в виду под словами «оставить» и «записка». Во всяком случае, он один сел в такси и поехал на фруктовый рынок.

В кинотеатре по субботам был дополнительный ночной сеанс, выходит, Блох приехал даже слишком рано. Он зашел в кафе самообслуживания поблизости и стоя съел фрикадельку. Попытался было по возможности коротко рассказать официантке анекдот, но так и не успел и оборвал байку на полуслове и расплатился. Официантка засмеялась.

На улице он встретил знакомого, тот попросил денег. Блох его выругал. Когда этот пьянчуга вцепился ему в рубашку, на улице вдруг стало темно. Тут пьяный испуганно отдернул руку. А Блох, зная, что световая реклама кинотеатра погаснет, поспешно удалился. Перед кинотеатром он встретил кассиршу – она как раз садилась в машину с каким-то мужчиной.

Блох посмотрел на нее. Уже сидя в машине, она ответила на его взгляд, поправив под собой платье; во всяком случае, Блох принял это за ответ. Ничего особенного не произошло; она захлопнула дверцу, и машина отъехала.

Блох вернулся в гостиницу. Холл гостиницы был освещен, но пуст; когда он снимал ключ с крючка, из гнезда выпала сложенная бумажка; он развернул ее – это был счет. Пока Блох стоял с бумажкой в руке, рассматривая единственный стоявший у двери чемодан, из каморки в холл вышел портье. Блох сразу же попросил у него газету и заглянул при этом сквозь открытую дверь в каморку, где портье, очевидно, дремал на вынесенном из холла стуле. Портье закрыл дверь – Блох успел разглядеть еще стремянку с суповой миской на верхней ступеньке – и, только став за конторку, приготовился ответить. Но Блох уже расценил закрытие двери как отказ и поднялся к себе в номер. Лишь перед одной из дверей в длинном коридоре он увидел пару обуви; в комнате он скинул, не развязывая шнурков, ботинки и тоже поставил их перед дверью. Лег на постель и тотчас уснул.

Среди ночи его ненадолго разбудила ссора в соседнем номере; а может, просто слух его был так раздражен внезапным пробуждением, что он принял голоса за стеной за голоса ссорящихся. Он ударил кулаком в стену. После чего послышался шум льющейся из крана воды. Потом кран завернули; стало тихо, и Блох снова уснул.

На следующее утро Блоха разбудил телефон. Спрашивали, намерен ли он оставить за собой номер еще на одну ночь. Разглядывая свой портфель на полу – в комнате не было скамеечки для чемоданов, – он сразу же ответил «да» и положил трубку. Взяв из коридора ботинки, так и оставшиеся невычищенными, видимо, из-за воскресного дня, он, не позавтракав, покинул гостиницу.

На Южном вокзале он в туалете побрился электробритвой. Принял душ в одной из душевых кабин. Одеваясь, он прочитал в газете спортивный отдел и судебную хронику. Через некоторое время, еще читая – в кабинах вокруг стояла относительная тишина, – он вдруг почувствовал себя хорошо. Прислонился, уже одетый, к стенке кабины и пнул носком ботинка деревянную скамью. Шум вызвал снаружи вопрос уборщицы и вслед за тем, так как он не ответил, стук в дверь. Блох опять не ответил, тогда женщина хлопнула полотенцем (или еще чем-то) по дверной ручке и ушла. Блох, стоя, дочитал до конца газету.

На площади перед вокзалом он встретил знакомого, собиравшегося ехать в пригород главным судьей на матч команд низшего класса. Блох принял его слова за шутку и включился в игру, уверяя, что в таком случае он вполне может его сопровождать в качестве судьи на линии. Даже когда знакомый в ответ развязал холщовую сумку и показал ему судейскую форму и сеточку с лимонами, Блох опять-таки воспринял и эти предметы за своего рода шутовской реквизит и, продолжая подыгрывать знакомому, заявил, что готов носить за ним и холщовую сумку, раз уж он его сопровождает. Мало того, в пригородном поезде с сумкой на коленях ему все еще казалось, будто он – поскольку в этот полуденный час купе было почти пустым – продолжает все тот же фарс лишь забавы ради. Какое, однако, отношение имело почти пустое купе к его дурачеству, Блох не вполне понимал. Знакомый с холщовой сумкой ехал в пригород, и он, Блох, его сопровождал, они вместе обедали в местном трактире и вместе отправились, как выразился Блох, «на заправское футбольное поле» – все это, даже когда он один ехал обратно в город – матч ему не понравился, – показалось ему притворством. Не засчитывается, – подумал Блох. На площади перед вокзалом он, к счастью, никого не встретил.

Из телефонной будки на краю парка он позвонил своей бывшей жене; она сказала, что у нее все в порядке, но сама его ни о чем не спросила. Блоха не оставляло беспокойство.

Он уселся за столик в летнем кафе, открытом, несмотря на холодное время года, и заказал себе пива. Когда спустя четверть часа никто с пивом так и не появился, он ушел; к тому же его слепила не покрытая скатертью металлическая столешница. Он остановился у окна рестораника; посетители сидели там перед телевизором. Некоторое время Блох тоже смотрел на экран. Но кто-то из этих людей повернулся в его сторону, и он двинулся дальше.

В Пратере он ввязался в драку. Какой-то тип, подскочив сзади, стянул ему на локти пиджак, а другой наподдал ему головой под подбородок. Блох слегка присел и пнул ногой переднего. В конце концов оба оттеснили его за кондитерский киоск и сбили с ног. Он упал, а они ушли. В уборной Блох вытер лицо и почистил костюм.

В каком-то кафе Второго района он до начала телевизионной передачи «Спортивные новости» играл на бильярде. Блох попросил официантку включить телевизор, но смотрел передачу, словно она ничуть его не интересовала. Он пригласил официантку выпить с ним. Однако когда официантка вернулась из задней комнаты, где шла запрещенная азартная игра, Блох уже стоял у двери; официантка прошла мимо него, но промолчала; Блох вышел на улицу.

На фруктовом рынке, при виде беспорядочно нагроможденных за ларьками пустых ящиков из-под овощей и фруктов, Блоху опять представилось, будто все эти ящики здесь для смеха, что они не всерьез. «Как карикатуры без подписи!» – подумал Блох, любивший рассматривать такие карикатуры. Это впечатление притворства и ломания («Все это ломание с судейским свистком в холщовой сумке!» – подумал Блох) исчезло только в зрительном зале кино, когда комик на экране, проходя мимо лавки старьевщика, как бы случайно взял трубу и с самым непринужденным видом задудел, после чего Блох стал воспринимать и трубу, а затем и все остальные вещи опять просто и недвусмысленно. Блох успокоился.

После картины он ждал кассиршу в проходе между ларьками на фруктовом рынке. Вскоре после начала последнего сеанса она вышла из кинотеатра. Чтобы ее не напугать, внезапно выскочив из-за ларьков, он остался сидеть на ящике, пока она не прошла туда, где было больше света. В одном из закрытых ларьков за опущенной железной шторой зазвонил теле-

фон; телефонный номер ларька был крупно написан на рифленом железе. «Не засчитан!» – сразу же подумал Блох. Он пошел следом за кассиршей, не нагоняя ее. Когда она садилась в автобус, он как раз подоспел и вскочил за ней. Он сел напротив, но так, что их отделяло несколько сидений. Лишь на следующей остановке, когда севшие в автобус люди заслонили ее, к Блоху вернулась способность рассуждать: она хоть и взглянула на него, но, очевидно, не узнала; может, это его так разукрасили во время драки? Блох ошупал свое лицо. Следить за ней, глядя на отражение в оконном стекле, показалось ему смешным. Он вытащил из внутреннего кармана пиджака газету, уставился в нее, но не читал. Потом вдруг поймал себя на том, что читает. Очевидец рассказывал об убийстве сутенера, которому с близкого расстояния выстрелили в глаз. «Из затылка у него вылетела летучая мышь и шмякнулась об стену. У меня замерло сердце». Дальше без отступа шел текст, и в нем говорилось о чем-то совсем другом, о каком-то другом человеке. Блох вздрогнул. «Тут же необходим абзац!» – подумал Блох. На миг испугавшись, он теперь обозлился. Он прошел по проходу к кассирше и сел наискось от нее, чтобы можно было на нее смотреть; но он не смотрел на нее.

Когда они вышли, Блох понял, что они далеко за городом, в районе аэропорта. Сейчас, ночью, здесь было очень тихо. Блох шел рядом с девушкой, но не похоже было, что он собирается ее проводить или тем более провожает. Немного погодя он притронулся к ней. Девушка остановилась, повернулась к нему и тоже его тронула, да с такой жадностью схватила, что он испугался. Сумочка в ее свободной руке на какой-то миг показалась ему менее чужой, чем она сама.

Несколько минут они шли рядом, но не вплотную и не притрагиваясь друг к другу. Только на лестнице он опять до нее дотронулся. Она побежала; он шел медленнее. Поднявшись наверх, он узнал ее квартиру по тому, что дверь была широко распахнута. Она появилась в темноте; он подошел к ней, и они тут же стиснули друг друга в объятиях.

Когда утром, разбуженный шумом, он выглянул в окно, то увидел шедший на посадку самолет. Мигание его бортовых огней побудило Блоха задернуть занавеску. Они вообще не зажигали света, ночью окно не было занавешено. Блох лег и закрыл глаза.

С закрытыми глазами он странным образом утратил способность что-либо представлять себе. Как ни наделял он вещи в комнате всякими признаками, пытаясь их вообразить, он ничего представить себе не мог; даже самолет, который только что у него на глазах садился и чей вой при торможении сейчас, на посадочной полосе, он узнал, Блох не мог представить себе. Он открыл глаза и уставился в угол, где находилась кухонная ниша: он старался запомнить чайник и увядшие цветы, торчавшие из мойки. Но едва закрыл глаза, не смог представить себе ни цветы, ни чайник. Он попытался помочь себе, употребляя для этих вещей не просто слова, а целые предложения, в надежде, что рассказ, составленный из таких предложений, поможет ему представить и сами вещи. Итак! Чайник засвистел. Цветы подарил девушке ее приятель. Никто не снял чайник с электроплиты. «Заварить чаю?» – спросила девушка... Все напрасно. Когда это сделалось совсем невыносимо, Блох открыл глаза. Девушка рядом с ним спала.

Блох стал нервничать. С одной стороны – эта навязчивость окружающей обстановки, когда глаза у него открыты; с другой – еще большая навязчивость названий всех окружающих вещей, когда он глаза закрывал! «Может, это оттого, что я переспал с ней?» – подумал он. Блох пошел в ванную и долго стоял под душем.

Когда он вернулся, чайник и в самом деле засвистел.

– Меня разбудил душ! – сказала девушка.

Блоху показалось, что она впервые прямо к нему обратилась. Он никак еще не придет в себя, ответил он. А почему в заварочном чайнике муравьи?

– Муравьи?

Когда кипящая вода полилась на чайники на дне заварочного чайника, он увидел вместо чайников – муравьев, которых когда-то ошпаривал кипятком. Он отодвинул занавеску.

Чай в открытой жестянке – свет проникал туда лишь сквозь маленькое круглое отверстие в крышке – странно освещался отблеском стенок. Блох, сидевший за столом с жестянкой в руках, пристально смотрел в отверстие. Его забавляло, что его так привлекает необычное свечение чайнок, а попутно он беседовал с девушкой. В конце концов он закрыл чайницу крышкой и замолчал. Девушка ничего не заметила.

– Меня звать Герда! – сказала она.

Блох вовсе не стремился это знать. Она ничего не заметила? – спросил он, но она уже поставила пластинку, итальянскую песенку, исполнявшуюся под электрогитары.

– Мне нравится его голос! – сказала она.

Блох, которому итальянские шлягеры были безразличны, промолчал.

Когда она ненадолго ушла, чтобы купить чего-нибудь к завтраку («Сегодня понедельник!» – сказала она), Блоху наконец представилась возможность все спокойно разглядеть. За завтраком они много разговаривали. Блох скоро заметил, что она разглагольствует о вещах, о которых он только что ей рассказывал, будто о своих собственных, тогда как он, упоминая что-то, о чем она перед тем говорила, всегда либо осторожно ее цитировал, либо уж если передавал своими словами, то всякий раз добавлял холодное и отмежевывающее «этот твой» или «эта твоя», словно боялся как-то смешать ее дела и свои собственные. Говорил ли он о десятнике или хотя бы о футболисте по фамилии Штумм, она могла тут же совершенно спокойно и запросто сказать «десятник» или «Штумм»; тогда как он, после того как она упомянула знакомого по имени Фредди и ресторанчик под названием «Погребок Стефана», всякий раз, отвечая ей, говорил: «этот твой Фредди» и «этот твой “Погребок Стефана”». Все, что она рассказывала, было не таким, чтобы углубляться в это, и еще его коробило, что она так бесцеремонно, как ему казалось, пользуется его словами.

Несколько раз, правда, беседа становилась для него такой же естественной, как и для нее: он спрашивал, а она отвечала; она спрашивала, и он совершенно естественно отвечал.

– Это реактивный самолет?

– Нет, это винтовой.

– Где ты живешь?

– Во Втором районе.

Он чуть было даже не рассказал ей о драке.

Но потом все начало раздражать его еще больше. Он хотел что-то ответить ей, но оборвал себя на полуслове, решив, что то, что скажет, пожалуй, и без того известно. Она забеспокоилась, принялась ходить взад и вперед по комнате; искала себе занятия и время от времени глупо улыбалась. Полчаса или больше они скоротали, переворачивая и меняя пластинки. Она встала и легла на кровать, он присел на край рядом. Идет ли он сегодня на работу, спросила она.

Внезапно он стал ее душить. И сразу сдавил шею что было силы: она даже не успела подумать, что это шутка. Снаружи, на площадке, Блох слышал голоса. Ему было смертельно страшно. Он заметил, что из носу у нее течет какая-то жидкость. Она хрипела. Наконец он услышал, будто что-то хрустнуло. Как будто на тряском проселке снизу в машину ударил камень. На линолеум накапала слюна.

Напряжение было так велико, что он сразу устал. Он лег на пол, не в силах заснуть и не в силах поднять головы. Он слышал, как снаружи кто-то хлопнул тряпкой по дверной ручке. Прислушался. Нет, почудилось только. Значит, он, видимо, все-таки заснул.

Он довольно скоро очнулся и, едва очнувшись, сразу ощутил себя со всех сторон открытым; как если бы в комнате сквозило, подумал он. А он даже нигде не содрал себе кожу. Тем не менее ему представлялось, будто у него из всего тела сочится сукровица. Он встал и протер все вещи в комнате посудным полотенцем.

Он выглянул в окно: внизу какой-то человек с охапкой костюмов, висевших на платяных вешалках, бежал по газону к фургончику.

Блох спустился на лифте и довольно долго шел все время в одном направлении. Позднее, на пригородном автобусе, он доехал до конечной станции трамвая, а оттуда поехал в центр.

Когда Блох пришел в гостиницу, оказалось, что там, решив, что он больше не вернется, убрали из номера его портфель. Пока он расплачивался, коридорный принес портфель из своей каморки. По белесому кольцу на портфеле Блох догадался, что на нем стояла молочная бутылка с мокрым доньшком; пока портье набирал сдачу, Блох раскрыл портфель и сразу заметил, что туда кто-то лазил: ручка зубной щетки выглядывала из кожаного футляра, а карманный приемник лежал сверху. Блох повернулся к коридорному, но тот успел скрыться в каморке. Конторка стояла близко к стене, поэтому Блох мог одной рукой притянуть к себе портье, а другой, переведя дух, сделать у самого его лица финт. Тот дернул головой, хотя Блох его даже не задел. Коридорный в каморке затаился. Но Блох уже вышел с портфелем.

Он успел еще до обеденного перерыва попасть в отдел персонала фирмы и получить свои бумаги. Блоха удивило, что бумаги еще не готовы и что понадобились еще какие-то телефонные переговоры. Он попросил разрешения позвонить и набрал номер бывшей своей жены; но подошла девочка, ответила заученной фразой, что матери нет дома, и Блох положил трубку. Тем временем бумаги подготовили; он сунул налоговую карточку в портфель, но когда собрался спросить служащую отдела о причитающемся ему жалованье, той уже не оказалось на месте. Блох оставил на столе деньги за телефонный разговор и вышел на улицу.

Банки тоже уже закрылись. И Блоху пришлось прождать весь обеденный перерыв в парке, прежде чем он смог снять свои деньги с текущего счета – сберегательной книжки у него никогда не было. Понимая, что с такой суммой далеко не уедешь, он решил возвратить в магазин недавно купленный транзисторный приемник. На автобусе поехал к себе на квартиру во Второй район и прихватил еще фотовспышку и электробритву. В магазине ему сказали, что возьмут вещи обратно, только если он взамен купит другие. Блох снова поехал на автобусе к себе и сунул в чемодан два кубка, правда, они были лишь копией кубков, выигранных его командой: один – в турнире и другой – в матче на кубок, захватил еще брелок – позолоченные бутсы.

В лавке старьевщика к нему долго никто не выходил, он достал все вещи и выставил на прилавок. Потом ему представилось слишком уж естественным, что он так вот взял и выставил вещи на прилавке, словно они уже приняты на продажу, быстро их с прилавка убрал, даже спрятал в чемодан, и лишь тогда снова поставил на прилавок, когда об этом попросили. Позади, в стеллаже, он заметил музыкальную шкатулку, на которой в стереотипной позе стояла фарфоровая статуэтка танцовщицы. Как всегда, когда он видел музыкальную шкатулку, ему показалось, что он ее уже однажды видел. Он сразу, не торгуясь, согласился взять за вещи ту цену, которую ему давали.

Затем, перекинув через руку легкое пальто, прихваченное из дому, он сразу же поехал на Южный вокзал. По дороге к автобусной остановке он встретил киоскершу, у которой обычно покупал газеты. Она шла в меховом пальто и с собакой; обычно Блох, покупая у нее газету и в ожидании газеты и сдачи глядя на черные кончики ее пальцев, вступал с ней в разговор, но сейчас, вне киоска, она, по-видимому, его не узнала; во всяком случае, не подняла глаз и не ответила на приветствие.

В течение суток в сторону границы шло мало поездов, и Блох, коротая время до отправления ближайшего поезда, зашел в Кинохронику и там заснул. Вдруг стало довольно светло, и шуршание опускающегося или поднимающегося занавеса показалось ему угрожающе близким. Чтобы узнать, опустился или поднялся занавес, он открыл глаза. Кто-то карманным фонариком светил ему в лицо. Блох вышиб фонарик из рук билетера и через фойе кинотеатра прошел в туалет.

Там было тихо, снаружи проникал дневной свет; Блох немного постоял не двигаясь.

Билетер, прибежавший следом, грозил вызвать полицию, но Блох отвернул кран, вымыл руки, потом нажал на кнопку электросушилки и держал руки под струей теплого воздуха, пока билетер не исчез.

Потом Блох почистил зубы. И наблюдал в зеркале, как одной рукой чистит зубы, а другую, неплотно сжатую в кулак, по-чуждому держит на груди. Из зрительного зала доносились неистовые вопли героев мультфильма.

У Блоха в прошлом была приятельница, как ему было известно, она содержала теперь пивную в городке на южной границе. В вокзальном почтовом отделении имелись телефонные справочники для всех населенных пунктов страны, однако он тщетно искал в них ее номер; в том городке было несколько таких заведений, но фамилии их владельцев не значились; кроме того, Блоху скоро надоело ворожить телефонные книги – они висели в ряд, корешками кверху. «Лицом вниз», – вдруг подумал он. Тут вошел полицейский и потребовал у него документы.

Билетер заявил, пояснил полицейский, то опуская взгляд на паспорт, то глядя в лицо Блоху. Блох уже решил было извиниться. Но полицейский, заметив, что Блох поколесил-таки по белу свету, уже протягивал ему паспорт. Блох не посмотрел ему вслед, а сразу же перевернул телефонную книгу. Кто-то закричал; Блох вскинул глаза и увидел, что рядом в телефонной будке громко кричит в трубку иностранный рабочий – грек. Блох передумал, он решил ехать не поездом, а автобусом; он обменял билет и, купив себе булочку с колбасой и газеты, в самом деле направился на автовокзал.

Автобус уже ждал, правда, еще с закрытыми дверями; водители стояли в некотором отдалении и разговаривали. Блох сел на скамейку; светило солнце; булочку с колбасой он съел, но лежавшие рядом газеты не развернул, приберегая их для многочасовой поездки.

Багажники с обоих боков автобуса были почти пусты; пассажиров с поклажей оказалось мало. Блох ждал снаружи, пока не захлопнулась задняя раздвижная дверь. Тогда он быстро вошел через переднюю, и автобус тронулся. Но кто-то окликнул водителя, и он притормозил. Блох не стал оборачиваться; села крестьянка с громко плачущим ребенком. В автобусе ребенок замолк, и они поехали дальше.

Блох заметил, что сидит как раз над колесом; пол в этом месте поднимался горбом, и у него соскользнули ноги. Он пересел на самое заднее сиденье, где мог, если потребуется, без помех наблюдать за дорогой. Сядясь, он в зеркальце заднего вида заглянул в глаза водителю, хотя это ровно ничего не значило. Блох воспользовался тем, что повернулся, размещая за спиной портфель, чтобы взглянуть назад на дорогу. Раздвижная дверь громко дребезжала.

Все ряды сидений в автобусе были установлены так, что пассажиры смотрели вперед, и только два ряда перед ним были обращены друг к другу; поэтому пассажиры, сидевшие друг за другом, сразу же после отъезда почти перестали разговаривать, тогда как пассажиры перед ним скоро возобновили разговоры. Голоса людей были приятны Блоху; то, что он может к ним прислушиваться, приносило ему облегчение.

Спустя немного – автобус уже достиг междугородного шоссе – сидевшая рядом с ним в углу женщина обратила его внимание на то, что он выронил несколько монет. Она спросила:

– Это ваши деньги? – И при этом показала, как вытащить монету из щели между спинкой и сиденьем.

Посреди сиденья, между ним и женщиной, лежала еще одна монета, американский цент. Блох, беря монеты, ответил, что, вероятно, уронил их, когда оборачивался. Но так как женщина не заметила, что он оборачивался, она стала его расспрашивать, и Блох опять ответил; понемногу, хотя они сидели для этого неудобно, завязался разговор.

Необходимость говорить и слушать помешала Блоху спрятать монеты. Они согрелись у него в руке, словно их только что выдали ему в кассе кинотеатра. Монеты потому такие грязные, пояснил он, что их недавно, перед футбольным матчем, бросали на землю – разыгрывали ворота.

– Я ничего в этом не смыслю! – сказала попутчица.

Блох поспешил развернуть газету.

– Орел или решка! – продолжала она болтать, и Блоху пришлось газету сложить. Собираясь сесть, он повесил пальто на крючок, а когда потом тяжело плюхнулся на сиденье, сел на свисающую полу и оборвал вешалку. Теперь, держа пальто на коленях, Блох сидел рядом с женщиной совершенно незащищенный.

Дорога сделалась хуже. Раздвижная дверь закрывалась неплотно, и Блох наблюдал, как через щель сполохи света влетают в салон автобуса. Даже не глядя на щель, он заметил эти сполохи на газетном листе. Он читал все подряд, не пропуская ни строчки. Потом поднял глаза и стал рассматривать пассажиров впереди. Чем дальше они сидели, тем приятнее было на них смотреть. Немного погодя он заметил, что сполохи в салоне прекратились. Снаружи стемнело.

У Блоха, не привыкшего воспринимать такую уйму деталей, разболелась голова, может быть, тут сыграл роль и запах целой пачки газет, которые он вез с собой. К счастью, автобус остановился в окружном центре, и пассажирам предложили подкрепиться в станционном ресторане. Прохаживаясь на воздухе, Блох то и дело слышал доносившийся из зала скрежет сигаретного автомата.

На площади он заметил освещенную телефонную будку. В ушах у него все еще стоял гул мотора, поэтому шорох щебня под ногами здесь, возле будки, был даже приятен. Он выбросил газеты в урну рядом с будкой и закрылся там. «Я представляю собой превосходную мишень!» – вспомнилось ему, говорил, стоя ночью у окна, герой в одном фильме.

Никто не ответил. Блох, снова на воздухе, в тени телефонной будки, слышал в ресторане, за задернутыми занавесками, резкий звон игровых автоматов. Когда Блох вошел в зал, оказалось, что там почти пусто; большинство пассажиров уже покинули ресторан. Блох, не присаживаясь, выпил пива и вышел в вестибюль: одни пассажиры уже сидели в автобусе, другие стояли у двери и разговаривали с водителем, третьи стояли поодаль, спиной к автобусу, в темноте. Блох, которому от этих наблюдений сделалось тошно, провел рукой по губам. Нет чтобы просто отвернуться! Он отвернулся и увидел в вестибюле пассажиров, возвращавшихся с детьми из туалета. Когда он проводил рукой по губам, от руки запахло металлом поручней, за которые он хватался. «Этого не может быть!» – подумал Блох. Водитель уже сидел на месте и в знак того, что и другим пора садиться, запустил мотор. «Как будто и так не понятно», – подумал Блох. Когда отъезжали, на шоссе посыпались искры от поспешно выброшенных из окон сигарет.

Рядом с ним никто уже не сидел. Блох забрался в угол и вытянул ноги на сиденье. Он расшнуровал ботинки, прислонился к боковому окну и уставился в противоположное. Положил руки за голову, сбросил ногой с сиденья хлебную корку, выставил вперед локти и уставился на них. Понюхал рукава под мышками, потерся подбородком о плечо, откинул назад голову и уставился на горящий плафон. Нет, этому просто нет конца! Не зная, что бы еще сделать, он сел.

Тени стоявших по обочинам деревьев, когда автобус проезжал мимо, вращались вокруг деревьев. Лежавшие на ветровом стекле очистители смотрели не совсем в одну сторону. Сумка с путевым листом и билетами возле водителя вроде бы была раскрыта. В проходе на полу лежало что-то похожее на перчатку. На выгонах вдоль шоссе спали коровы. Отрицать это было бесполезно.

Постепенно на остановках по требованию пассажиры высаживались. Подходили к водителю, и он выпускал их в переднюю дверь. Когда автобус останавливался, Блох слышал, как по его крыше хлопает брезент. Потом автобус вновь остановился, и из темноты послышались приветственные возгласы. Немного дальше он различил железнодорожный переезд без шлагбаума.

Незадолго до полуночи автобус прибыл в пограничный городок. В гостинице, возле которой находилась автобусная стоянка, Блох сразу же получил номер. У служащей, проводившей

его наверх, он спросил о своей знакомой, ему известно было только ее имя – Херта. Горничная смогла дать нужную справку: знакомая арендует пивную в предместье. Что означает этот шум? – уже войдя в комнату, спросил Блох.

– Да парни там, в кегельбане, застряли! – ответила горничная и вышла из комнаты.

Даже не оглядевшись, Блох разделся, вымыл руки и лег в постель. Стук и грохот внизу продолжались еще некоторое время, но Блох уже спал.

Проснулся он не сам, его, по-видимому, что-то разбудило. Кругом стояла тишина; Блох соображал, что же могло его разбудить; немного спустя ему показалось, будто потревожил его шорох разворачиваемой газеты. Или это затрещал шкаф? Скорей всего, из брошенных на стул брюк выпала монета и покатилась под кровать. На стене он заметил гравюру, изображавшую городок во времена войн с турками; перед крепостными стенами прогуливались горожане, а за стеной колокол до того криво висел на башне, что оставалось лишь предположить, что он звонит вовсю. Блох представил себе, как звонаря внизу подкидывает веревка; он видел, что горожане устремляются к крепостным воротам: кто-то бежал с детьми на руках, собачонка, виляя, протискивалась между ногами малыша, едва его не сбив. Да и маленький набатный колокол на башне часовни был изображен так, что, казалось, вот-вот перевернется. Под кроватью лежала только обгоревшая спичка. Снаружи, дальше по коридору, опять громко звякнул в замке ключ: вот отчего он, скорее всего, проснулся.

За завтраком Блох услышал, что здесь вот уже два дня, как пропал школьник, калека. Горничная рассказала это ночевавшему в гостинице водителю автобуса, перед тем как тот, Блох видел это из окна, отправился в обратный рейс почти без пассажиров. Позднее ушла и горничная, так что Блох некоторое время сидел в зале один. Газеты он складывал стопкой возле себя на стул; он прочитал, что школьник был не калека, а немой. Наверху пылесосом убирают, пояснила вернувшаяся горничная, как будто была обязана перед ним отчитываться. Блох не знал, что на это сказать. Тут зазвякали пустые бутылки из-под пива, их в ящиках несли через двор. Голоса грузчиков в коридоре звучали, как казалось Блоху, будто из телевизора где-то рядом. Горничная рассказала, что мать хозяина гостиницы целыми днями сидит в соседней комнате и смотрит телепрограмму для работающих в вечернюю смену.

Позже Блох купил себе в лавке рубашку, нижнее белье и несколько пар носков. Продавщица – она не сразу вышла из темноватой подсобки – словно бы не понимала Блоха, хотя он говорил законченными фразами; лишь когда он стал порознь перечислять названия нужных ему вещей, она сдвинулась с места. Выдвигая ящик кассы, она сообщила, что поступили также резиновые сапоги; а уже вручая Блоху покупку в полиэтиленовой сумке, спросила, не требуется ли ему еще чего-нибудь: носовые платки? галстук? шерстяной жилет? В гостинице Блох переоделся и сунул грязное белье в полиэтиленовую сумку. На площади и по дороге, ведущей из городка, ему почти не попадались прохожие. Возле строящегося дома как раз выключили бетономешалку; стало так тихо, что собственные шаги показались Блоху неуместными. Он остановился и оглядел черный брезент на штабелях досок у лесопилки, словно там можно было что-либо услышать, кроме невнятного говора пыльщиков, скорее всего полдничавших за штабелями.

Ему рассказали, что пивная, а также несколько крестьянских домов и таможенная служба находятся там, где асфальтированное шоссе, описывая круг, возвращается обратно в город; от шоссе ответвляется дорога, между домами тоже асфальтированная, дальше же покрытая лишь щебенкой, а еще дальше, почти перед самой границей, переходящая в тропу. Пограничный пункт закрыт. Правда, о пограничном пункте Блох не спрашивал.

Он увидел, как над полем кружил ястреб. Когда ястреб вдруг на месте забил крыльями и спикировал вниз, Блох поймал себя на том, что смотрит не на взмахи крыльев и маневры птицы, а на то место в поле, куда птица, вероятно, спикирует; но ястреб уже вышел из пике и снова поднялся ввысь.

Странно было и то, что Блох, проходя мимо кукурузного поля, увидел не прямые про-светы междурядий, ведущих к противоположному краю поля, а лишь гущину стеблей, листьев и початков, из которых вдобавок кое-где выглядывали обнажившиеся зерна. Вдобавок? Ручей, который пересекало шоссе, довольно громко шумел, и Блох замер.

В пивной он застал лишь мывшую пол официантку. Блох спросил о хозяйке.

– Она еще спит! – ответила официантка.

Блох, не садясь, заказал пива. Официантка сняла со стола стул. Блох снял со стола второй стул и уселся.

Официантка пошла за стойку. Блох положил руки да стол. Официантка пригнулась и откупорила бутылку. Блох отодвинул от себя пепельницу. Официантка, проходя мимо, взяла с другого стола картонную подставку для пива. Блох отодвинулся назад вместе со стулом. Официантка сняла с бутылки стакан, который на нее нахлобучила, положила на стол картонный кружок, поставила на кружок стакан, опрокинула бутылку горлышком в стакан, поставила бутылку на стол и ушла. Опять начинается! Блох уже и не знал, что ему делать.

Наконец он заметил каплю, стекавшую снаружи по стакану, а на стене часы, стрелками которым служили две спички; одна была обломана и заменяла часовую стрелку; но глядел он не на стекающую каплю, а на то место подставки, куда капля, по всей вероятности, упадет. Официантка, теперь натиравшая пол, спросила его, знаком ли он с хозяйкой. Блох кивнул и, лишь когда официантка подняла голову, ответил «да».

В зал, не прикрыв за собой дверь, вбежала девочка. Официантка отослала ее обратно к входу, где девочка обтерла ноги и после второго напоминания затворила дверь.

– Хозяйкина дочка! – объяснила официантка и тут же увела девочку на кухню.

Вернувшись, она рассказала, что несколько дней назад к хозяйке приходил какой-то мужчина.

– Он заявил, что его вызвали рыть колодец. Хозяйка сразу же хотела его отослать, но он не отставал, пока она не показала ему погреб, и тут он схватил лопату, ну, хозяйка побежала за помощью, чтобы его прогнали и...

Блоху едва удалось прервать ее.

– ...С тех пор девочка боится, как бы колодезный мастер не вернулся.

Тем временем вошел таможенник и выпил у стойки рюмку водки.

– Нашелся пропавший школьник? – спросила его официантка.

Таможенник ответил:

– Нет, все еще не нашли.

– Так ведь и двух дней не прошло, как его хватились, – сказала официантка.

Таможенник ответил:

– Но ночи уже довольно холодные.

– Все же он тепло одет, – сказала официантка.

Да, он был тепло одет, подтвердил таможенник.

– Он не может быть далеко, – добавил он.

– Он не мог далеко уйти, – повторила официантка.

Над музыкальным автоматом Блох заметил обломанные оленьи рога. Официантка объяснила, что это от оленя, который забрел на минное поле.

В кухне он слышал шум, который, когда он прислушался, оказался голосами. Официантка закричала через закрытую дверь. Хозяйка ответила из кухни. Так они переговаривались некоторое время. Потом, продолжая что-то говорить, вошла арендаторша. Блох с ней поздоровался.

Она села за его столик, но не рядом с ним, а напротив: руки под столом положила на колени. Через открытую дверь Блох слышал из кухни гудение холодильника. Девочка сидела

у холодильника и ела бутерброд. Арендаторша смотрела на него, словно слишком долго с ним не виделась.

– Мы давно не виделись! – сказала она.

Блох сочинил какую-то историю, объясняющую его появление здесь. В открытую дверь он видел, в некотором отдалении, сидящую на кухне девочку. Арендаторша, положив руки на стол, поворачивала их ладонями вверх и вниз. Официантка принесла напиток, который он для нее заказал. Для какой «нее»? В опустевшей тем временем кухне загрохотал холодильник. Блох через дверь смотрел на яблочную кожуру, лежавшую там на кухонном столе. Под столом стояла миска, полная яблок; несколько яблок скатились и лежали на полу. На гвозде, вбитом в дверной косяк, висели рабочие штаны. Арендаторша передвинула пепельницу – теперь та стояла между ним и нею. Блох отставил бутылку, но она положила перед собой спичечную коробку и поставила рядом свой стакан. В конце концов Блох пододвинул к ним свой стакан и бутылку. Херта рассмеялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.